

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН
ИСТОРИЯ ОБЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ

МОЛЧАНИЕ ВСЕЛЕННОЙ

“В этой жизни возможно все... Весь вопрос в том, как далеко ради этого ты готова зайти...”

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

АНАСТАСИЯ СТОЛЯРОВА

18+

Анастасия Сергеевна Столярова

Молчание Вселенной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63954081

SelfPub; 2022

Аннотация

Любовь рождается внутри, как пламя, но иногда это мучительный разрушающий огонь безответной любви, сжигающий все на своем пути и оставляющий после себя лишь пепел. Ника давно и безответно влюблена в Антона, она же для него просто друг детства. Она – обычная девушка-пацанка, он красавчик и мажор, привыкший тусоваться по клубам и менять девушек каждые три месяца. Как далеко можно зайти ради того, чтобы любимый человек был рядом, можно ли переступить через себя и свои принципы? Можно ли пойти ради любимого человека на предательство, преступление и даже убийство? Можно ли растопить похожее на глыбу льда сердце? Главной героине Нике придется сделать непростой для себя выбор. Услышит ли ее Вселенная?

Содержит нецензурную брань.

Анастасия Столярова

Молчание Вселенной

Глава 1

Я родилась в старинном городе на Волге, все мое детство и вся моя жизнь так или иначе неразрывно связана с этой большой рекой. В детстве мы с моим братом Костей часто любили сидеть на берегу реки и смотреть на воду, здесь, на излучине, Волга разливается особенно широко, так широко, что в пасмурную погоду другого берега становится совсем не видно, серая толща воды сливается с серыми наполненными влагой облаками. Я закрывала глаза и представляла себе, что нахожусь на берегу огромного северного моря, ощущала влажный тяжелый запах воды, крики чаек и плеск волн. Сюда, в заливные луга, мы часто ходили с ним в походы, здесь у нас было свое место, небольшая заводь, со всех сторон укрытая крутыми обрывистыми берегами, наша бабушка называла их ярами. Костя был старше меня на год. Он мечтал стать моряком, он говорил, когда закончит школу, поступит в морское училище в Кронштадт и будет ходить по морям на огромных белоснежных кораблях. Я недовольно хмурила брови:

– Неужели ты оставишь меня здесь одну? Как тебе только не совестно?

Он только смеялся и говорил, что непременно возьмет меня с собой. Я была для него вместо младшего брата, хвостиком ходила за ним повсюду, донашивала его джинсы и футболки, ходила с ним в походы, на концерты, на футбол. С самого детства мы были с ним неразлучны, мама часто рассказывала, что когда не могла меня укачать, она просто укладывала меня в его кровать, и я мгновенно засыпала. До десяти лет мы жили с ним в одной комнате и лишь потом родители с трудом переселили меня от него в свою. Тогда я целую неделю провела в слезах, расставание с ним даже на ночь казалось для меня просто невыносимым. Я до сих пор хорошо помню это ощущение близкого человека где-то рядом.

Однажды Костя нашел на чердаке старый, еще пленочный фотоаппарат, кто-то говорил, что он принадлежал нашему дедушке, тот потерял его сразу после покупки и фотоаппарат почти полвека пролежал на чердаке, пережив своего несостоявшегося хозяина; мама же утверждала, что этот фотоаппарат принадлежал жениху нашей тети Оли. Сама тетя давно вышла замуж за другого и от того незадачливого ухажера остались только воспоминания и этот фотоаппарат, внутри была пленка настолько старая, что ее уже нельзя было проявить, кадры получались засвечены и смазаны, но Костя утверждал, что якобы рассмотрел на них фотографии тетки в молодости, она была снята где-то на фоне Волги, на ее обрывистом берегу. Я лишь хмыкала, ничего удивительного, Волга здесь повсюду, кажется, сама жизнь течет

здесь неспешно и неторопливо, словно в унисон с ее медленным течением. Сам фотоаппарат был вполне рабочим, больше всего Косте нравилось ставить его на выдержку и после проявлять небо в причудливых звездных кругах, у него были десятки фотографий этого звездного неба. Когда мы ходили с ним в походы, мы часто брали фотоаппарат с собой и смотрели на звезды, здесь, в пойменных лугах над Волгой их было бесчисленное множество, особенно в конце лета, когда ночное небо становится по-зимнему темным, а напоенные туманом утренники яркими и прохладными. Костя поднимал глаза в небо:

– Представляешь, над нами миллионы и миллионы звезд и у каждой звезды есть свои планеты. Там непременно должна быть жизнь...

Я подтрунивала над ним:

– Значит, они скоро за нами прилетят...

Но он нисколько не злился, мы были с ним настолько близки, что понимали друг друга с полуслова, точно сиамские близнецы.

– Однажды они прилетят, – соглашался он и мечтательно смотрел в небо, усыпанное звездами. – Но вряд ли это будет при нашей с тобой жизни. Как жаль... это будет величайшее событие в истории человечества...

Я только фыркала, я совсем не верила в них и в прочий божественный разум:

– Человечество изобрело радио более ста лет назад, а сей-

час техника способна воспринимать сигналы на тысячи световых лет. Если они не отвечают, значит, их просто нет... И черт с ними. Мне и без них неплохо...

Костя прижимал меня к себе, он всегда был неисправимым романтиком:

– Эх, сестренка... Наверное, ты еще просто маленькая. Я-то знаю, что там что-то есть. Непременно должно что-то быть, мы не одиноки, они присматривают за нами... Если ты страстно чего-то желаешь, Вселенная тебя слышит, я знаю это...

Я только улыбалась, мне нечего было желать, у меня было все, что я могла только желать – моя семья, любимый старший брат, родители, бабушки, дедушки, друзья и множество интересных и захватывающих открытий впереди. Жизнь казалась прекрасной и удивительной, она обещала быть долгой и непременно счастливой.

– Некоторые философы утверждают, что человечеству нужна вера в высшую силу, людям слишком сложно осознать это экзистенциальное одиночество во вселенной... Но не буду с тобой спорить, пусть они будут...

Я никогда с ним не спорила, я любила его больше всего на свете, мой старший брат был для меня целой вселенной, самым близким и родным человеком на свете, мы расставались с ним самое большее на один день, родители вместе отправляли нас в пионерские лагеря, мы вместе ездили на море, вместе до утра шатались по улицам встречая туманный

рассвет. У нас были одни друзья, мы носили одну одежду, слушали одну музыку. Разными у нас было только хобби, он играл в футбол, я занималась живописью и ходила в художественную школу, родители говорили, что заниматься футболом девочке было уже слишком. К тому же мне категорически нельзя было заниматься физическими нагрузками и бегать, я родилась с пороком сердца, в три года мне сделали операцию, но с тех пор мне нельзя волноваться, бегать, заниматься спортом.

Костя пропал, когда мне было четырнадцать. Девятнадцатое июня. В тот день он звал меня купаться на реку, в городе стояла такая жара, что нечем было дышать, раскаленный воздух поднимался вверх, взвывая за собой целые облака густой желтой пыли. Собиралась гроза и огромные синые-черные тучи клубились у самого горизонта. В надвигающейся грозе мне всегда виделось что-то первобытное, бушующая стихия приводит все внутри в необъяснимый трепет, мощь порывистого ветра, в одночасье почерневшее небо и оглушающие громовые раскаты на горизонте, когда весь воздух наполняется предчувствием наступающей бури, он словно густеет от поднимающейся вверх пыли. В крови бурлит адреналин, гроза проходит и приносит с собой обновление, радость созерцания вновь чистого неба, сверкающую радугу прямо над головой, символизирующую начало новой жизни. Костя всегда любил купаться в грозу. В тот день я не могла пойти с ним, у меня был экзамен в художественной школе,

так нелюбимое мною рисование с натуры. Я злилась на него за то, что он будет купаться в Волге без меня, а мне придется три с лишним часа торчать под палящим солнцем до одури рисуя ее прохладные воды, стрелку и щетину соснового леса на другом берегу.

– Не злись, сестренка, – улыбался он, насколько я его помню, он все время улыбался, у него была невероятно теплая улыбка, когда я была чем-то расстроена, он просто улыбался и прижимал меня к себе: – зато весь вечер мы проведем вдвоем, посмотрим фильм, закажем пиццу. Не скучай...

Тогда я видела его в последний раз. Я привычно чмокнула его в щеку и просила его быть осторожным, я немного проводила его по проселочной дороге, петлявшей в полях, она была густо усыпана нереально желтой пылью, свистел ветер и развевал его русые выгоревшие на солнце волосы. Он беспечно махал мне рукой, и я провожала его взглядом пока он не скрылся в вихре густой желтой пыли... Тогда я видела его в последний раз.

Я потащила на пленер, дурацкое-дурацкое занятие выходить на природу и рисовать с натуры, наша преподавательница считала, что настоящий художник обязательно должен уметь рисовать с натуры. В середине нашего плэнера небо заволочли такие черные тучи, каких я никогда не видела никогда в жизни, молнии сверкали и гром гремел так сильно, что у меня начинало звенеть в ушах, девчонки визжали. Никто их нас не успел добежать до дома, дождь полил стеной, я

тщетно пыталась закрыть свои наброски, ветер вырвал их из рук, смял и выбросил прочь, в ревущую круговерть дождя. Потом мы еще долго сидели в автобусе, мокрые и усталые, и тщетно ждали окончания ливня. Я вернулась домой только поздно вечером, промокшая до нитки, усталая и злая. Родители уже вторую неделю были на даче. Квартира встретила меня холодом и какой-то практически осязаемой пустотой, Кости не было дома, я всю ночь просидела в темной прихожей ожидая его, его телефон был недоступен. За окнами бушевала гроза. И вдруг я поняла, что он больше никогда не придет. Я позвонила родителям, они примчались с дачи, с самого утра начались поиски, на берегу нашли его одежду и велосипед.

Его искали несколько дней, но так и не нашли. Родители с утра до вечера проводили время на реке вместе со спасателями, мама за неполную неделю поседела и постарела сразу на десяток лет. Я в оцепенении сидела в комнате и неотрывно смотрела на Волгу, синевшую вдаль, я не могла осознать, что больше никогда не увижу его. Я вся сжалась в один большой комок боли и страха, больше всего на свете я боялась, что его не найдут, и что его найдут. Душный жаркий июнь сменился еще более жарким и засушливым июлем. Стояла такая жара, что даже трава во дворе выгорела и порыжелела. В один из дней со мной случился приступ и два месяца я лежала в больнице, о тех днях я не помню абсолютно ничего, на их месте до сих пор одна сплошная чернота. Когда родители

забрали меня из больницы, уже стояла глубокая седая осень, дома уже совсем было темно, нигде не горел свет, дверь в Костину комнату была закрыта, у меня абсолютно не было ощущения, что он умер, мне казалось, что он просто уехал и теперь нужно просто ждать, когда он вернется. Я вошла в его комнату, на спинке стула висела его куртка, в углу валялся его рюкзак с не разобранными прошлогодними учебниками, я обернулась к маме:

– Он еще не вернулся? Он же жив, тела так и не нашли?

Она кивнула мне головой:

– Да, нам нужно ждать, нельзя терять надежду...

С тех пор я живу надеждой, что однажды он вернется. А пока мне пришлось учиться жить без него, осень принесла с собой полнейшую апатию, мне не хотелось абсолютно ничего, я с трудом заставляла себя подняться с кровати, умыться. Мне нужно было как-то научиться жить дальше. Именно той осенью я познакомилась с Антоном.

Глава 2

Я давно поняла, что человек не может жить без цели. Моя слабость, мой наркотик, моя несбыточная мечта – это все Антон, мы знакомы с ним уже семь долгих лет. Когда мы познакомились ему было четырнадцать, и он еще был худеньким подростком с огромными серыми глазами, белоснежной кожей с ярким румянцем на щеках и густой черной челкой

до самых бровей. Я ходила к нему на дни рождения, именно с ним у меня был первый поцелуй и первые отношения, первое свидание под луной, первые безответные чувства и первое расставание. Он считает меня своим близким другом детства, мои же чувства к нему больше похожи на зависимость, мне просто физически нужно видеть его, дотрагиваться до его руки, ежеминутно ощущать его присутствие рядом. Он – мой воздух, без которого я не могу существовать. Конечно, он все это знает, но мы оба продолжаем играть в давнюю игру «мы просто друзья». Иногда такая моя навязчивость страшно злит его, и он начинает меня игнорировать и избегать, поэтому я стараюсь не слишком донимать его своим немым обожанием. Мы учимся с ним вместе в одном университете и на одном курсе, он поступил туда чтобы в дальнейшем возглавить дело отца, известной фигуры нашего города. Я потащила выслушивать все эти непонятные экономические дебри только для того, чтобы быть к нему ближе, видеть его улыбку и смотреть в его серые глаза, так похожие на дождливое сентябрьское небо. Мы не виделись с ним целое лето, обычно он проводит его в Европе, я, мучаясь от тоски по нему здесь, в душном и влажном городе. У нас почти всегда влажно и часто идут дожди, вокруг нас Волга, она опоясывает наш город кольцом, как огромная серебристая змея. Начинается новый учебный год, за первую неделю занятий я вижу его буквально несколько раз, два дня подряд его нет на лекциях, в среду он появляется только на

одну лекцию и сразу убегает, я даже не успеваю расспросить его о том, как он провел лето. Все лето я вижу его только на фотографиях в его инстаграм, везде он улыбающийся, загорелый и невероятно, невероятно красивый. Мне кажется, я не видела его целую вечность и мое сердце готово разорваться от тоски.

На перемене я привычно высматриваю его в толпе, он выделяется высоким ростом и правильными чертами лица, его справедливо считают самым красивым мальчиком в нашем универе, все вокруг давно знают о моих чувствах к нему и часто подтрунивают над этим. Моя одноклассница пихает меня в бок:

– Ты слышала последние новости? Калинин все-таки переводится от нас. Это наша староста слышала, когда была в деканате, сегодня пришли все бумаги. Скатертью дорога, мажор...

Об этом я слышала уже давно, Антон часто говорил, что мечтает учиться и жить в Москве, столица нашей родины давно влечет его, все это время я надеюсь, что это останется лишь планами, хотя я знаю, что Антон вовсе не из тех, кто плывет по течению и отказывается от своей мечты. Меня восхищает и удивляет в нем способность планировать свою жизнь, я плыву по течению жизни словно вырванное с корнями дерево, он – тот, кто управляет лодкой и держит штурвал. Поэтому известие о том, что я скоро потеряю его буквально оглушает меня, я с трудом прислоняюсь к стене, пы-

таясь вогнать воздух в легкие. Мысль о том, что его теперь не будет рядом просто парализует меня. Я хочу скорее его отыскать, на полном автомате иду вперед, натыкаюсь на людей, но ничего не вижу, перед глазами словно пелена, сердце сковывает панический страх. Антона я вижу только на следующей перемене, он стоит в окружении хохочущих парней и кокетничающих девчонок и беспечно улыбается, я протискиваюсь сквозь толпу и хватаю его за руку:

– И тебе тоже привет, Ника, – говорит он, выдергивая свою ладонь из моей.

Я молча смотрю на него, он смотрит на меня и тоже молчит, наконец, он не выдерживает молчания и первый начинает, изогнув бровь:

– Я вижу, слухи уже дошли и до тебя. Видимо, здесь просто нечем заняться, кроме как разносить сплетни... Да, я переехал в Москву. Уезжаю в конце недели. Мы снова поцарапались с отцом, я больше не могу с ним оставаться, я его ненавижу...

Он замолкает и ждет моего ответа, его взгляд становится холодным, как глыба льда, он чуть прикусывает губу, готовясь сказать в ответ что-то типа «это не твое дело», но я ничего не говорю, потому что знаю, что это бесполезно, он давно говорил, что хочет уехать, что ему надоело постоянное давление отца и вот похоже этот день наконец настал. Он еще что-то говорит мне и уходит в аудиторию.

Я мучительно раздумываю о том, что же теперь будет

дальше. У нас с Антоном странные отношения, если их вообще можно назвать отношениями. Я хорошо знаю его родителей, его мать считает меня милой девочкой и подругой детства своего сына. Отец Антона ко мне равнодушен, но тем не менее именно он оплачивает мое обучение в этом университете. Когда я заканчивала школу мне позвонил его секретарь и предложил оплатить мое обучение в любом вузе. Конечно же, я выбрала именно тот, куда пошел учиться Антон, хотя я совершенно равнодушна к экономике и финансам.

После учебы я решаю пойти домой к родителям Антона, он сам уже как год живет отдельно в купленной ему к его совершеннолетию квартире в самом центре города в высоком и красивом доме на шестнадцатом этаже, я знаю его давнюю страсть забраться повыше, иногда мне кажется, что я знаю его также хорошо, как себя, или даже больше, чем себя. Я знаю светлые и темные стороны его души, обычно он ведет себя безукоризненно вежливо, как и положено хорошо воспитанному мальчику из хорошей семьи, но иногда, когда он устает от моего присутствия в своей жизни, он становится холодным и жестоким, я пролила из-за него немало слез. Он – моя несбыточная мечта, моя зависимость, мои слезы. Мой недостижимый и такой далекий идеал. Несмотря на мое болезненное желание все время находиться рядом с ним, я отчетливо понимаю, что мы не сможем жить вместе и что я не буду счастлива рядом с ним.

Мама Антона открывает мне дверь и выдавив приветли-

вую улыбку приглашает внутрь. Она очень хорошо выглядит для своих сорока с небольшим лет, она невероятно стройная, с длинными темными волосами, собранными в густой хвост, она скорее напоминает его старшую сестру, чем мать. Я вспоминаю, что она родила его очень рано, ей было восемнадцать или девятнадцать лет. Ее фигура сохранила девичью стройность и грацию, Антон взял от нее фарфоровую белизну кожи, нежные серые глаза, окруженные густыми ресницами, правильный овал лица и нежный румянец щек. Антон рассказывал, что она была королевой красоты нашего города, когда ей исполнилось восемнадцать лет. Отец Антона широко известен своими многочисленными любовными похождениями, я искоса поглядываю на нее и искренне не могу понять, как можно гулять от такой удивительно красивой женщины. У нее красные глаза, видимо, она недавно плакала. Она приносит мне крохотную чашечку обжигающе-горячего кофе с красным перцем. Я мило ей киваю, хотя я ненавижу кофе. Она молча смотрит в окно:

– Ты, наверное, уже знаешь, что Тоша уезжает, – наконец говорит она, я киваю. Она молчит и теребит в руках скомканную салфетку. Она до сих пор называет его Тошей, как ребенка.

– Да, Кира Сергеевна. Сегодня он сказал мне об этом...

Она молчит:

– Я должна отпустить его в новую жизнь, это так нелегко, он так быстро вырос. Мне кажется, я еще совсем недавно ка-

чала его на руках... – совсем тихо бормочет она. – Отпускать ребенка так больно, словно отрезать часть своего тела...

Я зачем-то невпопад говорю, что тоже хотела бы поехать в Москву, она вскидывает на меня глаза, в них неодобрение:

– Далась вам эта Москва, зачем тебе ехать, – недовольно восклицает она, – ты должна остаться здесь, рядом со своими родителями. Насколько я знаю, ты у них одна. С твоей стороны ужасно некрасиво думать только о себе... Что они будут делать здесь совсем одни, подумай о своей несчастной матери...

Я знаю, что она злится не на меня, а на него. У нее нет настроения разговаривать, поэтому я прощаюсь с ней и ухожу, если до прихода сюда у меня была маленькая надежда, что он еще передумает и останется, то теперь мне ясно, что надежды нет. Уже на следующей неделе его не будет рядом, он станет приезжать раз в полгода или даже реже. От этих мыслей мне хочется умереть, я просто не могу этого допустить, он нужен мне каждый день. Но также я понимаю, что совсем ничего не могу сделать.

После я все же захожу к Антону, его квартира находится от родительской буквально в двух шагах, он открывает мне дверь, на мгновение в его серых глазах мелькает недовольство, тем не менее он приветливо распахивает передо мной дверь. Я прохожу в комнату, на кровати сидит его новая, и скорее всего, уже бывшая девушка. Я прямо кожей чувствую разлившееся по комнате напряжение, видимо, я пришла в са-

мый разгар выяснения отношений. Я сажусь в кресло, Антон представляет меня своей подружке и приносит мне с кухни мой любимый зеленый чай со сливками, он прекрасно помнит мой вкус. Я беру чашку в руки, на мгновение мне хочется плеснуть кипятком ему в лицо. Он садится в кресло напротив меня:

– Надеюсь, ты не станешь отчитывать или уговаривать. Я уже все решил, – негромко предупреждает он.

Я киваю головой, я слишком хорошо его знаю, если он что-то решил, он уже не передумает. Антон начинает с вдохновением рассказывать мне о Москве, об университете, в котором он будет учиться, о квартире, которую снял недалеко от учебы, о свободе, которую он обретет, я киваю головой в такт его словам. Его мир раскрашен яркими красками, как и полагается мальчику из обеспеченной семьи, преград не существует, есть только его желание и океан возможностей, раскинувшийся у его ног, стоит лишь только протянуть руку. Я усмехаюсь, жизнь вообще становится невероятно проста, если у тебя есть деньги.

Он уходит на кухню готовить чай, я перевожу взгляд на его девушку, она сидит в стороне, неловко обняв себя за колени, как сломанная кукла, ее ноги невероятно худые и длинные, я не помню, чтобы он рассказывал о ней, значит, они встречаются совсем недавно.

– Ты тоже поедешь? Чемодан уже собрала? – спрашиваю я ее, она лишь нервно дергает плечом.

– Я не поеду, нет, у меня же здесь мама. И университет...

– тихо оправдывается она. На самом деле мы обе понимаем, что она не едет лишь потому, что он просто не позвал ее с собой, Антон невероятно быстро влюбляется и также быстро остывает, часто он напоминает мне капризного избалованного ребенка, бросающего наскучившую ему игрушку. Она искоса рассматривает меня:

– А ты же его подруга детства? Он рассказывал о тебе...

Я жму плечами:

– Можно сказать и так. На самом деле мы спим с ним периодически. Хотя он периодически спит со всеми своими бывшими, он же джентльмен. И с тобой он тоже будет спать, когда будет приезжать из Москвы.

Она поднимает на меня совершенно ошалевшие глаза, она совсем маленькая и глупенькая, она вскакивает и убегает в слезах, неудивительно, что Антону она так быстро надоела. Мне нисколько не жаль ее, на войне как на войне. Когда Антон возвращается он несколько секунд смотрит на ее пустое кресло и с улыбкой оборачивается ко мне:

– Я так и знал, что ты постараешься избавиться от Лизы... Тебе не стыдно?

Я тоже улыбаюсь через силу:

– Ты же знаешь. Ни капельки. О каком стыде вообще может идти речь, если ты самый бесстыжий молодой человек на свете. Не побежишь ее догонять?

Он отрицательно качает головой.

– Нет. Мы с ней разные. Она не та, кого я ищу...

Он садится совсем близко ко мне и берет меня за руку, я молча смотрю в его серые глаза, они у него необыкновенного цвета дождливого сентябрьского неба, окруженные темными длинными ресницами, как у девушки. В детстве я дразнила его Белоснежкой из-за его светлой кожи, тонкой и нежной, как лист папиросной бумаги и темных шелковистых волос. Мне становится невероятно горько, но я улыбаюсь:

– Кого же ты ищешь, мой дорогой брат... – произношу я и он выдергивает свою руку из моей. Иногда я называю его братом и ему это жутко не нравится, сколько раз мы ссорились с ним из-за этого, теперь он делает вид, что ему все равно, но я знаю, что ему это неприятно. Я научилась чувствовать его также, как и он меня.

– Я уезжаю не только из-за отца, Ника, – совсем тихо говорит он, – я хочу, чтобы моя жизнь принадлежала только мне, хочу строить ее так, как этого хочу я, не оглядываясь ни на кого. Мне осточертело быть хорошим мальчиком, учиться на одни пятерки и слушаться маму. Пусть я наделаю кучу ошибок, но это будут только мои ошибки. У нас с тобой разные дороги и я хочу, чтобы ты, наконец, нашла свою... Я хочу, чтобы ты была счастлива...

Он еще что-то говорит, но я почти не слушаю его, мы с ним словно принадлежим к разным вселенным, в его разноцветном мире нет одиночества, беспросветной тоски и отчаяния. Он решил идти вперед и ему наплевать на тех, кого он

оставит за своей спиной. Я не хочу становиться частью его прошлого, ведь он – все, что у меня осталось.

– Я хочу поехать с тобой, ты мне это позволишь? – с трудом говорю я.

Он мягко улыбается:

– Какие глупости ты говоришь, Ника. Тебе незачем никуда ехать, здесь твой дом. Здесь твои родители. И я не хочу, чтобы рядом со мной присутствовали тени прошлого. Я хочу начать новый этап своей жизни с чистого листа. Ты – верный друг моего детства и твое место здесь, в этом старинном городе на Волге... Не грусти, иногда я буду приезжать...

Я киваю ему и поспешно прячу глаза, тщетно пытаюсь спрятать слезы, он привычно делает вид, что не замечает их и что-то весело рассказывает мне. Я пришла сюда зря, я знаю, что не смогу убедить его остаться, возможно, сегодня последний раз, когда я его вижу. Когда мы увидимся с ним вновь много месяцев спустя это будет уже не мой Антон, хотя даже сейчас я не могу назвать его своим. Это так горько, что мне становится нечем дышать. У меня темнеет в глазах и в груди разливается жжение, слюна во рту наполняется терпкой горечью, кажется, у меня вновь начинается паническая атака. Я медленно сползаю вниз, Антон бережно поднимает меня на руки и кладет на диван, он знает об этом моем состоянии не меньше, чем моя мама. Раньше эти приступы случались со мной куда чаще, врачи приходили к однозначному выводу что это психосоматические остатки пе-

ренесенной травмы и должны пройти со временем. Антон, не спрашивая берет мою сумку и достает оттуда таблетки, он кладет две таблетки мне под язык, он давно знает, что во время приступа мне нужны таблетки и покой. Я помню, как он ужасно испугался, когда увидел это в первый раз.

– Успокойся, все будет хорошо... – негромко говорит он.

За окном гремят глухие раскаты грома и свет несколько раз мигает и гаснет, Антон гасит свет, мы сидим с ним в полной темноте, и он держит мою ладонь в своей. Иногда вспышки молнии на мгновение освещают комнату и я вижу его лицо, склоненное надо мной, и спустя короткое мгновение мир вновь заполняется гулкой пустотой.

Ты мой лучик света в темном царстве... – невпопад шепчу я и чувствую, как он улыбается.

Меня отпускает только через пару часов и все это время он сидит рядом и держит меня за руку. Мне хочется, чтобы время остановилось, и мы остались с ним вдвоем в это оставившемся мгновении... Я смотрю на него и слезы текут по моим щекам, я совершенно ничего не могу сделать, как и в тот день, когда пропал Костя.

– Что я буду делать без тебя? – спрашиваю его я, и мой голос охрип от слез.

Он серьезно смотрит мне в глаза:

– Жить. Учиться. Любить...

– Как я все это буду делать без тебя?

Он просто не представляет, что значит для меня. Я украд-

кой вытираю слезы ладонью, я не хочу выглядеть еще более жалко, чем есть на самом деле. Я знаю, что ему не нравятся слезы, тоска и уныние, поэтому я улыбаюсь. Из последних сил улыбаюсь. Он одобрительно кивает головой:

– Улыбка тебе больше к лицу. Тебе пора домой, Ника. Твои родители волнуются. Я вызову тебе такси...

В прихожей я долго стою в дверях и никак не могу выпустить его руку из своей, меня охватывает такая всеобъемлющая тоска, что мне кажется, стоит только выпустить его руку из моей, я тут же умру, просто перестану существовать. Мое существование без него просто не имеет никакого смысла.

– Как насчет прощального секса?

Он усмехается:

– Спасибо, но у меня уже был сегодня секс. Я не настолько ловелас и мачо, каким ты меня, видимо, считаешь. Я знаю, что многим девочкам нравятся плохие мальчики...

Я не хочу ехать на такси, но знаю, что в этом вопросе спорить с ним бесполезно, у Антона свои своеобразные понятия о том, как должен вести себя джентльмен. Он может морально растоптать меня, но при этом галантно придержать дверь, подать пальто, оплатить такси. Спустившись вниз, я отпускаю такси и иду домой пешком, время уже позднее, но я совершенно не боюсь, что со мной может произойти что-то плохое, все самое плохое уже произошло со мной, правда я не знаю когда, только что или же много лет назад. На темных улицах нет ни одного человека, черные сырые переулки тя-

нутся, тянутся и тонут в холодной сентябрьской тьме. Тусклый свет далеких фонарей мутными пятнами прорезает вязкую темноту, весь мир вокруг меня наполнен белесым туманом, мельчайшие частицы водяной пыли падают на мое лицо и смешавшись со слезами стекают по подбородку вниз, расстрескавшиеся тротуары утопают в мутных ручейках. Темнота, душное покрывало тумана и мутные пятна фонарей – наверное, это и есть само воплощение одиночества. Я в данный момент невероятно остро ощущаю себя именно так – бесконечно одинокой и бредущей сама не зная куда во тьму. Когда родители после пропажи Кости таскали меня к психологам, я часто рисовала свое одиночество именно так – темная улица, темная дорога, тусклый свет фонарей. Наверное, фонари все же символизируют надежду, хотя я знаю, что надежды нет.

Я возвращаюсь домой глубоко за полночь, но родители не спят, они ждут меня на кухне, оттуда в нос ударяет удушливый запах валерьянки; я прохожу в свою комнату, дверь в комнату Кости закрыта, значит, он еще не вернулся. Я редко захожу туда. После того, как он пропал семь лет назад я долго не могла переступить даже ее порога. Дверь в его комнату всегда закрыта, только иногда мама делает в ней уборку, вытирает пыль с его компакт-дисков, поправляет плакаты на стенах, перестилает его кровать. В углу стоит его рюкзак с учебниками, в шкафу висит его одежда, мы ничего не выбрасываем. Эта комната – словно капсула времени, в ней навсегда застыл тот душный июньский день. Мои картины тоже

валяются здесь. Те, что у меня рука не поднялась выбросить я приносила сюда и складывала в углу. Здесь есть и те, что я рисовала в тот день, отсыревшие насквозь, краски на них смазались и потекли, сейчас уже невозможно разобрать, что же было на них. О том дне до сих пор я не помню абсолютно ничего.

Родители не заходят ко мне, после многочисленных ссор, скандалов и прочих атрибутов переходного возраста, мы с ними договорились, что они не станут так явно меня опекать, поэтому я выхожу к ним сама. Прежде чем мама начнет робко выспрашивать меня как прошел мой день, я говорю:

– Я хочу продать бабушкину квартиру. Мне нужны деньги. Я хочу последние два курса отучиться в Москве. Тем более Антон переводится туда...

Бабушка давно завещала свою квартиру нам с Костей, правда, теперь, в графе наследники, числюсь только я одна, отец молчит, а мама начинает плакать и заламывать руки:

– Зачем тебе продавать ту квартиру, ты выйдешь замуж и будешь там жить. Где ты будешь жить, если продашь ее? Бабушка всегда хотела, чтобы у вас... у тебя было свое жилье... – бормочет она.

– Мне не нужна вся сумма. Только моя половина. Когда я выйду замуж за Антона, нам явно будет где жить, а Косте мы купим новую квартиру, когда он вернется...

Мама долго молчит:

– Ника, неужели ты не понимаешь, что Антон никогда на

тебе не женится? Он не для тебя. Тебе пора забыть его и заняться своей жизнью, – наконец бросает она.

Ее слова приводят меня в неопишуемую ярость, в дрожь:

– Так может, и Костя никогда не вернется? Зачем мы тогда ждем, зачем все это?

Мама бросается ко мне чтобы успокоить, мне нельзя нервничать особенно после недавнего приступа. Я чувствую начинающиеся покалывания в груди, пальцы немеют, я ухожу в свою комнату и ложусь на кровать, мама заходит, что-то говорит мне и я зажимаю уши ладонями, я ее не слушаю, я не хочу ее слушать.

На следующий день Антона в университете нет, и я понимаю, что он больше тут не появится, вчера вечером он забрал оставшиеся документы. Я пишу ему сообщение, он сухо отвечает спустя два часа, что у него дела. Дурацкий, дурацкий день. Наверное, это будет самый плохой день во всей неделе. В университете все буквально валится из рук, я случайно проливаю кофе на свою блузку, теряю конспекты и потом долго хожу по аудиториям, пытаюсь вспомнить, где могла их оставить. Я в такой прострации, что не помню, в какой аудитории только что проходила лекция, приходится идти к расписанию. У расписания я с удивлением понимаю, что не помню номер своей группы. Однокурсник сует мне в руки тетрадь с конспектами:

– Проснись, соня, – улыбается он, – ночью нужно спать, а не тусоваться по клубам.

Я уже не удивляюсь, что мои сокурсники думают, будто я все ночи напролет пропадаю в клубах, Антон известный клубный мальчик, а если я являюсь не то его бывшей девушкой, не то троюродной сестрой, соседкой, знакомой его родителей, все считают что я, как и он, веселюсь до утра.

Я не остаюсь на следующие две пары, выхожу из университета и медленно иду сама не знаю куда. Домой возвращаться не хочется, мама набросится с расспросами, на которые я не хочу отвечать. Утром я подала объявление о продаже квартиры, но я понимаю, что все это, конечно, затянется невероятно надолго, а деньги мне нужны прямо сейчас. Мои родители самые простые люди и денег у них никогда нет. Я даже пробую взять кредит в банке и получаю заслуженный отказ. Мне невероятно горько, сырой воздух будто бы пропах горечью, мне кажется, что даже во рту у меня разливается терпкая горечь, я уже знаю, что беспомощность всегда отдает горечью, когда ты совсем ничего не можешь сделать, только выть от бессилия. Я выхожу к реке, что неудивительно, Волга опоясывает наш город кольцом, и куда бы ты не пошел, ты непременно выходишь к воде, из-за этого здесь всегда сыро, а летом часто бывают грозы. От Волги пахнет большой рекой и выброшенными на берег водорослями, вода давно отцвела и на темных булыжниках я вижу ржавые уродливые полосы, похожие на гниющие раны. Летом, особенно когда стоит жаркий безветренный день, ее поверхность отликает синим, сейчас же она кажется совершен-

но серой, серые воды тихо шепчут о чем-то и наползают на серый песок, лобызают серые искореженные валуны, выступающие из воды. Раньше я часто любила сидеть у воды и слушать плеск и невнятное бормотание волн. Сейчас на пляже почти никого нет, уже холодно и даже самые смелые не купаются. Сегодня она удивительно спокойная, на ее гладкой поверхности видна лишь серая рябь, отражения бегущих облаков тоже серые, на другом берегу березы начинают желтеть, в темной зелени их кудрявых крон начинает проступать золото, как подружки в веселом хороводе они сбегают почти до самой воды. Песок под ногами тоже серый, к моим ботинкам прилипли песчинки, я сажусь на камень и смотрю на воду. Наверное, странно, почему в свои двадцать два года я чувствую себя такой потерянной и одинокой. Антон как-то говорил мне, что всю его жизнь можно описать яркими цветами, как в детском калейдоскопе. Возможно, именно это и привлекает меня в нем, его искренняя вера в то, что возможно все, стоит только захотеть, его безудержная жажда жизни. Внезапно в голову приходит мысль броситься в воду, я качаю головой, второй раз мать этого точно не переживет.

Мне звонят с незнакомого номера, я, немного помедлив, все же беру трубку, мне так хочется услышать на том конце провода чей-то простой человеческий голос, хоть на миг ощутить краткую иллюзию того, что я не одна в этом сером и холодном мире. Звонящая представляется личным помощником Александра Викторовича, отца Антона. Он передает

пожелание увидится со мной немедленно, я отвечаю, что буду у него в офисе через полчаса. Я совершенно не представляю, зачем понадобилась отцу Антона. Пожалуй, это единственный человек, которого я абсолютно не понимаю, обычно я всегда чувствую, когда на меня злится Антон и обижаются родители. Этот человек всегда абсолютно бесстрастен, на его словно окаменевшем лице нельзя прочесть ни единой эмоции. У него скверная репутация в городе, очень многие его боятся и не любят, Антон же его просто ненавидит. Я без труда нахожу этот офисный центр, нарядно блестящий панорамными окнами, он также принадлежит отцу Антона, как и многая другая недвижимость в нашем городе.

Секретарь сразу провожает меня в кабинет, отец Антона сидит в огромном кожаном кресле и негромко разговаривает по телефону, я достаиваюсь его мимолетного взгляда, он едва кивает мне в ответ на мое неловкое приветствие и глазами указывает на стул. Пока он разговаривает, я украдкой рассматриваю его профиль, я видела его буквально несколько раз вживую и огромное количество раз в местных газетах. Кажется, он занимается строительством и укладкой дорог, наверно, поэтому у нас в городе такие хреновые дороги. У него близко посаженные маленькие бесцветные глазки, мощный квадратный подбородок и крупный нос, чем-то похожий на клюв хищной птицы. От отца в Антоне нет абсолютно ничего, словно бы он не его сын, это было бы единственным разумным объяснением их странных, наполненных взаимной

ненавистью отношений. Наконец, он заканчивает разговаривать по телефону и оборачивается на меня, в его глазах такое равнодушие, что я на мгновение думаю, что он вовсе не звал меня и я попала сюда по какой-то глупой ошибке.

– Ты уже знаешь, что Антон уезжает в Москву, – говорит он. Его голос тихий и при этом властный. Я робко киваю, и он продолжает: – я согласен оплатить тебе перевод в тот же университет и съем квартиры на два месяца вперед. За это время ты сможешь подыскать себе работу. Если ты согласна, отдай документы моему секретарю, она все сделает.

Он замолкает и молча смотрит на меня, я уже знаю, что в этой жизни ничего не бывает просто так и жду продолжения, возможно, он потребует стать его любовницей, Антон часто говорил о его многочисленных любовницах, которых он даже особо не скрывает. Согласна ли я на это чтобы иметь возможность быть рядом с Антоном? Я не успеваю ответить себе на этот вопрос, как он продолжает:

– Я не потребую с тебя за это ни денег ни чего-либо еще. Ступай...

Я остаюсь на месте и робко посматриваю на него:

– Я давно хотела спросить вас, зачем вы это делаете? Зачем помогаете мне? Вы оплачивали мою музыкальную школу, репетиров, мое поступление и учебу в университете. Теперь вы предлагаете оплатить мой перевод в Москву. Антон попросил вас об этом?

Он смотрит на меня в упор своими выцветшими глазками,

я чувствую, что он не привык, когда ему задают вопросы.

– Антон меня ни о чем не просил, – наконец разлепляет он свои мясистые губы, – и я не думаю, что он был бы сильно рад. Он хочет покорить столицу один, и, конечно же, без тебя...

Я в замешательстве смотрю на него:

– Тогда, возможно, мне и не стоит ехать. Все бесполезно...

Он снова рассматривает меня в упор:

– Знаешь, чем отличается человек, который многого достигнет в жизни от человека, который не достигнет ничего, – негромко говорит он, – в разной постановке вопросов и целей. Тебя в последнюю очередь должно беспокоить то, чего хочет он, на первом месте всегда должно стоять то, чего хочешь ты. В этой жизни возможно все. Весь вопрос в том, как далеко ты готова ради этого зайти... Подумай над этим. А теперь иди...

Он небрежно указывает мне рукой на дверь, я прижимаю ладони к горящим щекам и неловко благодарю его. В приемной секретарь перечисляет мне список документов, которые нужно предоставить. Со следующего понедельника я могу уже учиться в Москве. Вечером мне на карту падает сумма, на которую я вполне могу прожить месяца три или четыре.

В выходные я поспешно собираюсь, мама не верит в мой отъезд, они с отцом негромко ругаются на кухне, я слышу ее тихий плач, вдруг мне становится невыносимо жаль их

оставлять, они оба выглядят такими постаревшими, растерянными и бесконечно одинокими. На мгновение я задумываюсь о том, чтобы остаться здесь, и эта мысль для меня просто невыносима, мне кажется, стоит только разорвать эту тоненькую нить, что связывает меня с Антоном и через него со всем остальным миром, как я немедленно умру. Этот серый город на берегах большой реки, где само время течет неспешно, как ее медленные сонные воды, закрытая Костина комната – все это слишком похоже на склеп.

Я уезжаю в субботу вечером, мне так странно, что до такой далекой и недавно совершенно недостижимой для меня Москвы всего семь часов в плацкартном вагоне. Антон уехал два дня назад, мы с ним не созванивались, но, несомненно, он уже все знает. Хотя бы потому, что его мать названивает мне каждый день, а у них нет друг от друга секретов. Видимо, она решила, что я еду присматривать за ее ненаглядным сыночком. На вокзале суетливо, пассажиры и провожающие снуют туда-сюда, всюду сутолока и беспокойное оживление. Свисток поезда протяжно звенит и эхом отражается от бетонных стен, мама плачет и вытирает глаза ладонью. Мне жаль ее, но я не хочу остаться с ней и быть ей опорой в ее старости, я хочу идти вперед, там, в сияющей огнями Москве меня ждет Антон.

Глава 2

Всю дорогу до Москвы я могу сомкнуть глаз, я до сих пор не верю, что еду куда-то, в плацкартном вагоне стоит мертвая тишина, пассажиры уже легли и свет погашен, на потолке тускло светится лишь полоска ночника. Последний раз я ездила в поезде, когда мы с родителями и Костей ездили на море, мне тогда было лет тринадцать. Та поездка была совершенно другой, я плохо ее помню, я запомнила только духоту, веселый гомон и разлившееся по вагону состояние счастья. Наверно, это и есть сама квинтэссенция счастья – ехать к морю со своей семьей. Сейчас в вагоне темно и тихо, я смотрю на пробегающие за окном огоньки городов, они завораживают, сливаются в длинные разноцветные полосы и потом обрываются, когда поезд ныряет в темный сумрак леса.

К утру я совершенно разбита, я бреду куда-то вместе с гудящей толпой, и она выносит меня из огромного здания вокзала в шумный город, вокруг меня целый океан людей, он несет меня вперед и я, не имея сил противостоять потоку, послушно следую ему. Я беру такси, хотя цена, конечно, заоблачная, сейчас у меня нет сил разбираться с путанными ветками метро.

Такси долго петляет по огромному городу, но я даже не смотрю в окно, Москва совершенно не интересует меня, меня интересует только Антон. Я сама не понимаю, как стала настолько одержима им. Я уже не разбираю, любовь это или странная зависимость, но мне это совершенно не важно, мне просто нужно его видеть и, желательно, видеть каждый день.

Я поднимаюсь на шестой этаж, механически звоню в звонок. Мне никто не открывает, я сетую на себя, что не позвонила своей соседке, у которой я буду снимать комнату, заранее. Наконец, я слышу за дверью топот ног, дверь мне открывает полуодетая растрепанная девица, она подслеповато щурится.

– А, это ты, что ли? – восклицает она и кивает: – заходи...

Я вхожу, и она показывает мне на дверь:

– Вот твоя комната, заходи... приходи на кухню пить чай...

Я осторожно вхожу в маленькую комнатку, моя прежняя была не в пример больше, здесь же комнатка совсем клетушка, в углу стоит древний шкаф, одной ножки у него нет и вместо нее подставлена стопка книг, я приглядываюсь – трудам В.И. Ленина, кажется, нашли новый, более достойный способ применения. Обои совсем обшарпаны, они настолько старые, что местами на них нельзя разглядеть рисунка, сверху они частично отстали и пожелтели. Комната, как и ее хозяйка, оставляют у меня самое гнетущее впечатление.

Я вхожу в кухню, у раковины стоит здоровенный бугай в одних трусах и жадно пьет воду, я чуть морщусь, терпеть не могу таких. Он выглядит как типичный гопник, черты его лица грубые, словно мать-природа вытесывала их топором. Он крепко сложен, к тому же еще и накачан сверх меры, все его тело покрыто наколками, в нем явно угадывается восточная кровь, он мерзко ухмыляется, глядя на меня. И от него жутко тарашит перегаром.

Моя соседка, кажется, ее зовут Вика, толкает его с кухни, я слышу, как он одевается в комнате, далее слышатся звуки тисканий и звонкий поцелуй в щеку, наконец, я слышу, как захлопывается входная дверь.

Вика возвращается на кухню, она ужасно худая, даже худее меня, со смешным веснушчатым носом и растрепанными волосами, она молча ставит чайник на плиту, я мельком вижу, что на плите практически намертво застыли капли жира, видимо, ее не мыли пару лет, сама кухня тоже невероятно замызганная. Наверно, с моей мамой случился бы удар, если бы она увидела, где мне придется жить. Но ничего не поделаешь, эта комната стоит совсем недорого, к тому же она совсем рядом с университетом, где теперь я буду учиться.

– Это твой парень? – невпопад спрашиваю я и холодею от мысли, что он иногда будет оставаться здесь ночевать и потом расхаживать по квартире в одних трусах.

Она кивает головой:

– Типа да. Приходит иногда. Ты деньги принесла?

Я киваю, иду в свою комнату и отдаю ей три пятитысячные купюры, она их торопливо сует в карман:

– Давай еще за три месяца вперед, это резерв....

Я задыхаюсь от возмущения:

– Ты не писала ни о каком резерве, я буду платить за месяц вперед, как и договаривались!

Она нагло смотрит мне в глаза:

– Правила изменились, поняла? Плати. Или катись отсю-

да...

Я молча иду в комнату, первым желанием было взять свои вещи и уйти, но немного подумав, я все же беру еще сорок пять тысяч, возвращаюсь на кухню и молча кидаю на стол.

– Напиши мне расписку, что я оплатила тебе квартиру на три месяца вперед!

Она берет деньги и сует их в карман:

– Вот еще, ничего я писать не буду! Если что-то не нравится, проваливай. Только учти, что денег я не возвращаю. Сейчас я позвоню Богдану, он живо вышвырнет тебя отсюда!! Или ментов, я тебя не знаю!

Я понимаю, что она говорит о том уроде в трусах. Что ж, учитывая, что он весит как минимум в два раза больше меня, шансов у меня никаких. Я возвращаюсь в свою комнату, сажусь на кровать и начинаю реветь. Все это очень смахивает на разводку, о которых я читала в интернете. Скорее всего, никаких денег я не увижу, а от денег, которые дал мне отец Антона, осталось меньше половины. Звонит мама, я сбрасываю и пишу смс, что тут все просто чудесно.

Я никак не могу успокоиться, слезы просто ручьями льются из глаз, наверно, последний раз я так плакала в день, когда пропал Костя. Постепенно слезы кончаются, я в оцепенении сижу на кровати, Вика шуршит за дверью, наконец, она заходит и робко мнетя у порога:

– Теперь ты скажешь, чтобы я убиралась отсюда? Иначе ты позовешь ментов или своего парня-гопника? – в эту ми-

нуту я ненавижу ее больше всего на свете. Она отрицательно качает головой.

– Да нет, живи, что ж на мне, совсем креста что ли нет, – бормочет она и садится ко мне на кровать. – Понимаешь, это Богдан придумал, ему деньги нужны, вот он и сказал мне, пустить кого-нибудь ко мне, взять деньги и прессануть. У него сейчас проблемы, понимаешь?

Я с ненавистью смотрю на нее, меня в эту минуту меньше всего интересуют проблемы Богдана, у меня своих по горло.

– Богдан – это то самое быдло с наколками? А кто он? – спрашиваю я.

– Он бандит, на районе его все боятся – говорит Вика с такой гордостью, с какой говорят, что ее парень известный поэт или космонавт.

По-моему, он просто самое настоящее быдло. Она берет меня за руку:

– Пошли посидим где-нибудь, отпразднуем твой приезд в столицу!

Я не хочу никуда идти, но она буквально силой тащит меня за руку, я беру куртку, определенно, хуже уже просто быть не может, мы заходим в бар неподалеку, судя по всему, Вику тут хорошо знают, несколько человек подходят и начинают хлопать ее по плечам. Мы садимся за дальний столик, нам притаскивают воняющее кислым пиво, я осторожно делаю глоток и искоса разглядываю Вику, полностью поглощенную употреблением пенного напитка, она пьет его с такой жад-

ностью, как умирающий в пустыне воду. Она совершенно не соответствует моим представлениям о столичных штучках.

– А ты давно живешь в Москве? – спрашиваю я.

– Всю жизнь, – машет рукой она.

Мне это так странно, я думала, что она такая же приезжая, как и я.

– А где твои родители? Ты живешь одна? – еще раз уточняю я, вспомнив про Богдана.

Она медлит с ответом:

– Отца у меня никогда не было, – наконец говорит она. – А мама умерла три месяца назад. Она жила в твоей комнате...

Я молчу, в это мгновение мне как никогда хочется все бросить и уехать домой, не хватало еще услышать, что она умерла именно на моей кровати.

– Она болела? – тихо спрашиваю я. Вика беспечно машет рукой:

– Типа того. Спилась она. Да забей...

Я некоторое время молчу:

– А у тебя еще кто-то есть?

Вика качает головой:

– Нет, мать-то была детдомовская. А отца я и не знала никогда. Я сама по себе. Одиночка. Лучше расскажи про себя, по тебе же видно, что ты девочка домашняя. Нахер ты приперлась в резиновую?

Я молчу, говорить с ней по душам я совсем не хочу, но она ждет моего ответа:

– Я из Нижнего приехала, учиться в университете. Я училась там, у себя, но перевелась...

Она шумно отхлебывает пива и отчаянно жестикулирует, чтобы принесли еще, кажется, она вся поглощена им и слушает меня вполуха.

– Ну правильно, московский диплом получше вашего... А потом останешься здесь? Типа найдешь себе кого-нибудь? С пропиской? А у тебя парень есть? Папа, мама? Братья, сестры? – сыпет вопросами Вика.

Я неопределенно киваю ей головой, но на последний вопрос так ответить нельзя, она переспрашивает и вопросительно смотрит на меня. Я не хочу ей ничего рассказывать про себя, но когда пауза становится слишком затянувшейся, я все же говорю:

– У меня есть мама и папа. И брат. Он старше меня на год...

Вика перебивает меня, она уже достаточно пьяна, во всех ее движениях сквозит нетвердость и у нее совсем мутный взгляд:

– Я всегда мечтала о брате, – шумно восклицает она, – он бы со мной играл, защищал бы от всяких мутных хмырей. А я бы донашивала его кеды и футболки. Получается, вы погодки. Он симпатичный? Похож на тебя? Покажи мне его фотографию...

Я качаю головой, у меня в телефоне нет ни одной Костиной фотографии, давнюю, где ему пятнадцать, и он улыбает-

ся своей теплой улыбкой я давно удалила, смотреть на него мне слишком больно. Наверно, сейчас он совсем другой, повзрослевший и возмужавший. Подростковый пушок на его щеках превратился в жесткую щетину, вьющиеся и торчащие вихры огрубели и стали прямыми. Мне кажется, что его русые, летом почти добела выгоравшие на солнце волосы потемнели. В его серо-зеленых глазах цвета скошенной травы я увижу не угловатого подростка, но мужчину. Все это я увижу, когда мы вновь с ним встретимся.

– У тебя нет его фоток? Вы не общаетесь? – восклицает Вика и икает от удивления.

Я просто не знаю, что ей ответить, о Косте мне сложно говорить, мне больно о нем вспоминать. С родителями мы никогда о нем не говорим, это наше молчаливое табу, лишь иногда я заглядываю в его комнату и понимаю, что он все еще не вернулся.

– У меня много фоток Антона, – наконец говорю я и улыбаюсь. Как хорошо, что у меня есть Антон, когда я вспоминаю Антона, мне всегда становится легче. Я передаю Вике телефон, она листает его фотографии, многие фотки я сохраняю с его страниц из социальных сетей, что-то он скидывает мне сам. В моем телефоне целая коллекция его фотографий, Вика довольно улыбается, разглядывая их.

– Он очень красивый, – говорит она и возвращает мне телефон, – но, наверное, у него полно девчонок. Мать говорила не связываться с красивыми, а то потом наплачешься....

Потом она начинает что-то рассказывать мне о своих парнях, она уже достаточно пьяна, я слушаю ее вполуха и продолжаю рассматривать фотографии. Я не видела Антона уже неделю и понимаю, что ужасно, просто ужасно соскучилась. Сама мысль о том, чтобы никуда не ехать сейчас кажется мне дикой, как я смогу прожить без него всю оставшуюся жизнь, когда даже неделя для меня почти смертельна.

Мы еще долго сидим, потом я буквально силой тащу пьяную Вику домой, определенно, с ее дурной наследственностью ей следует быть осторожнее с алкоголем. Но я ничего не говорю ей, Антон часто мне говорил, что люди не ценят бесплатные советы, а платить она мне явно не станет. Уже уложив пьяную Вику на кровать я все же спрашиваю:

– Твоя мать умерла здесь, в этой квартире?

Она лепечет в ответ:

– Нет, она замерзла пьяной на остановке, только не говори никому, поняла? Май был холодный... – совсем бессвязно лепечет она. Я киваю и тихо закрываю дверь в ее комнату, определенно, это первая хорошая новость за сегодня. Наверное, жизнь начинает налаживаться.

На следующее утро Вика к моему удивлению бодрa и полна сил, она бурно собирается на работу, она работает продавцом в ближайшем супермаркете. Пока я пью кофе, мы договариваемся с ней, что она будет покупать продукты со скидкой и готовить для меня за небольшую доплату. Я с сомнением соглашаюсь, хотя приготовленный ей завтрак весь-

ма неплох.

– Я хорошо готовлю, я начала готовить, когда мне было лет восемь, матери было не до этого, тебе нравится, правда, нравится? – в сотый раз спрашивает она.

Я мысленно благодарю бога за то, что она работает с утра до позднего вечера, и пересекаться мы с ней будем редко. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Наконец, она уходит, я расчесываю волосы, заплетаю их в хвост, натягиваю привычные джинсы и выхожу из дома. Я никогда не ношу юбок и платьев, моя обычная одежда – это джинсы и толстовки, а летом футболки. У меня такой мальчиковый стиль, потому что в детстве я всегда донашивала за Костей его вещи. Я носила его одежду не потому, что наши родители были бедны, вовсе нет, мне просто нравилось носить вещи, пахнувшие его запахом, как еще одно доказательство его любви ко мне. У Антона, наверное, в десять раз больше всевозможных нарядов, все его одежда фирменная и дорогая, мне нравится рассматривать его строгие пиджаки, модные рубашки, яркие свитера. Университет находится в сорока минутах ходьбы, я медленно иду мимо бетонных коробок домов, хаотично наставленных между дорогами. Здесь, в переулках, все совсем как у нас – уныло и серо, о том, что я нахожусь в столице мне напоминают возвышающиеся над пятиэтажными домами огромные небоскребы из стекла и бетона. И здесь намного больше машин. Нескончаемый их поток денно и нощно бежит по асфальтовым арте-

риям дорог, наполняя город бесконечным движением. Чем ближе я подхожу, тем больше замедляется мой шаг, сердце колотится как бешеное, от страха шумит в ушах. Я не знаю, что мне сейчас скажет Антон, вполне возможно, что он презрительно заломит бровь, язвительно прокомментировав мой приезд. Я знаю, что он может быть очень жестоким, когда захочет. Возможно, он не станет больше со мной общаться, потребует, чтобы я немедленно уехала и, наконец, навсегда оставила его в покое. Я знаю, что безнадежно влюбленный человек всегда выглядит невероятно скучно и жалко. Я понимаю, если он прогонит меня сейчас, я просто умру. Когда я подхожу к университету, на широких мраморных ступенях почти никого нет, пара уже началась.

Антон стоит на крыльце и улыбается мне, у него просто потрясающая улыбка, когда я робко подхожу к нему, он притягивает меня к себе и обнимает, берет меня за руку и ведет внутрь, его рука теплая и мягкая, я чувствую, как меня начинают душить слезы радости и поспешно отворачиваюсь, я знаю, что он не любит слез.

– Я жду тебя уже двадцать минут, далеко живешь? – спрашивает он.

– Нет, близко. Просто еще не приноровилась...

Он улыбается, сегодня у него чертовски хорошее настроение, неужели оттого, что он рад видеть меня? Мне очень хочется думать, что он хоть немного рад меня видеть, как рады видеть милые старые тапочки, которые затерялись ку-

да-то и вдруг неожиданно нашлись в коробках с тряпьем. Он с улыбкой смотрит на меня:

– Хорошая квартира? Скинь адрес, как-нибудь я зайду к тебе в гости...

Я киваю, внутренне холодея от того, что он увидит замызганные стены, плиту с пригоревшим жиром и желтые отваливающиеся обои. Его теплая ладонь держит мою и я чувствую себя так хорошо и спокойно, что мне снова хочется плакать. Мы сидим на лекции, и я краем глаза смотрю на него, просто не могу оторвать от него взгляда, сейчас у него совсем другое выражение лица, он сосредоточен, высокий лоб слегка нахмурен, он покусывает губы и иногда с улыбкой смотрит на меня, указывая глазами на лежащие на столе тетради.

На перемене мы стоим у аудитории, и он улыбается мне теплой улыбкой.

– Давно не видела тебя в таком хорошем настроении, – говорю я, он кивает головой в ответ.

– Я счастлив, – коротко отвечает он и снова улыбается, проходящие мимо девушки махают ему рукой, и он улыбается им в ответ. А я думала, что уже успела привыкнуть к тому, что девушки постоянно обращают на него внимание. Я не успеваю ничего спросить, как вновь начинается лекция, длинная и занудная, как осенний дождь за окном. Я всеми силами пытаюсь сосредоточиться, оплачивать экзамены отец Антона мне точно не станет. После занятий я тяну его в кафе выпить кофе и поболтать, он недовольно хмурится моей

навязчивости, но соглашается.

– У меня есть полчаса, – сразу честно предупреждает он, я киваю в знак того, что услышала его и беру его за руку, мне необязательно даже с ним разговаривать, мне достаточно просто смотреть в его серые глаза, держать в своих ладонях его тонкие длинные пальцы. Его взгляд вдруг меняется, становится холодным, наверно, у меня до ужаса жалкий вид.

– Зачем ты приехала сюда? – спрашивает он.

Я неопределенно пожимаю плечами:

– Наверно, получить крутой Московский диплом и найти кого-то с московской пропиской. Так, по крайней мере, говорит моя соседка по квартире. Когда ты узнал, что я приеду?

Он усмехается:

– Еще на прошлой неделе. Отец сказал, что оплатит твоё обучение. И конечно же, ты не могла не приехать... хотя ранее я тебе говорил, что не хочу тащить за собой хвосты из прошлого...

Я неловко молчу, на это мне нечего ему ответить:

– Почему твой отец это сделал? Чтобы насолить тебе? Я не просила его...

Он кивает:

– Я знаю. Нет. Не чтобы насолить мне, Ника. Дело совсем в другом. Сейчас все равно нет смысла об этом говорить...

Он замолкает и какое-то время мы сидим молча, он недовольно хмурит красивое лицо, но мне это совершенно не

важно. Мне неважно разговариваем мы с ним или молчим, мне достаточно просто смотреть в его глаза, держать его тонкие пальцы в своих. Я не знаю, как объяснить свои чувства к нему, я не уверена, что чувствую к нему именно любовь, это больше похоже на тягу к наркотику. Когда он рядом, как сейчас, на душе у меня становится так спокойно и хорошо, я снова начинаю ощущать, что живу. Когда его долго нет рядом, меня в буквальном смысле ломает, настроение падает, все валится из рук, я не могу ни о чем думать, кроме него. Его отсутствие причиняет мне почти физическую боль. Когда несколько лет назад Костя пропал, глубоко внутри меня появился смерзшийся комок боли и страха, даже по прошествии стольких лет я чувствую, что он до сих пор где-то глубоко внутри меня. Костино исчезновение изменило меня навсегда. Моя идеальная вселенная раскололась на тысячи осколков, маленькая всеми любимая девочка узнала, что помимо любви и счастья в этом мире есть смерть и боль, тоска и бесконечное одиночество. Когда рядом Антон, это чувство пропадает, рядом с ним мне становится так хорошо и спокойно, поэтому я снова и снова тянусь к нему как наркоман за новой дозой. Чтобы просто снова ощутить жизнь. Так мы просто сидим и молчим около пятнадцати минут, наконец, он забирает свою ладонь из моей:

– Займись собой, Ника, – говорит он, – найди себе парня, займись тем, чем хочешь заниматься именно ты. И жизнь заиграет новыми красками. Нам пора....

Он встает из-за стола и протягивает мне руку, помогая подняться. Да, он всегда был само воплощение галантности.

– Может, пригласишь меня сейчас к себе в гости, я хочу посмотреть где ты живешь... – жалко бормочу я.

Он отрицательно качает головой:

– Прости, нет. Вечером я занят. Сегодня у меня свидание с девушкой... Познакомился в Тиндере...

Я киваю ему в знак того, что услышала его. Быстро. Прошла всего лишь неделя, как он расстался со своей девушкой и уже нашел новую, хотя в этом я как раз и не сомневалась. Он относится к людям удивительно легко, как к товару в магазине, если тебе что-то вдруг разонравилось, всегда можно пойти и взять с полки новый экземпляр.

Мы расходимся в разные стороны, я какое-то время бесцельно брожу по улочкам, Москва совершенно не впечатляет меня, низкое серое небо над головой словно давит в затылок, даже здесь, в спальном районе со всех сторон доносится гул большого города. С деревьев падают листья, в столице всю хозяйничает осень, обрывает золотое убранство с поникших деревьев, чернит впалые глазницы окон, развозит вязкую жижу на тротуарах. Осенью мне всегда плохо, наваливается тоска, внутри тоже становится серо, хотя я уже не помню, когда у меня было радостно на душе. Я возвращаюсь домой поздно вечером, когда на улицах горят мутные пятна фонарей. Вика приходила домой, потому как на плите стоит ужин. У меня нет желания есть, и я закрываюсь в своей ком-

нате, заворачиваюсь в одеяло и долго лежу без сна. Я размышляю над словами Антона о том, чем же я хочу заняться и понимаю, что у меня просто нет никаких своих желаний, словно и меня тоже давно нет. Может, я поэтому и тянусь к Антону просто чтобы заполнить эту пустоту внутри себя.

Утром Вика недовольно высказывает мне за ужин, оказывается, она специально отпросилась с работы чтобы его приготовить для меня, я мямлю извинения в ответ и покорно ем кашу, хотя совсем не хочу есть. Вика несколько раз спрашивает меня чем я больна, видимо, сегодня у меня совсем хреновый вид. Я говорю, что у меня больное сердце и мне категорически нельзя нервничать.

– Мне нельзя нервничать, сердце начинает биться неправильно и может остановиться...

Я кратко рассказываю ей, что родилась с пороком сердца, в три года мне сделали операцию и теперь все вроде хорошо, но мне нельзя нервничать, заниматься физическими нагрузками и бегать, нужно постоянно мерить давление и периодически пить таблетки. Вика смотрит на меня с ужасом, наверное, она ожидает, что я вот-вот умру. Я коротко говорю ей, что теперь все хорошо и не рассказываю ей о периодических приступах, ей это все ни к чему. В университете Антон достаточно холоден со мной, хотя я вижу, что у него хорошее настроение, его глаза мечтательно смотрят вверх, он в малейших подробностях смакует прошедший вечер.

Вечером я начинаю поиски работы, если я ее не найду,

скоро мне просто не на что будет жить, бабушкину квартиру пока не купили и наличных денег у меня осталось совсем немного. Всю следующую неделю я хожу по собеседованиям, учитывая, что я совсем ничего не умею, список вакансий до безобразия скуден – курьер, официант, продавец. Мне необходимо найти работу с гибким графиком, чтобы подстраиваться под занятия в университете. Благо я учусь уже на четвертом курсе, что-то можно будет пропускать.

Мама звонит мне каждый день, каждый раз в конце нашего разговора я спрашиваю ее о Косте, мама глухо отвечает, что он еще не вернулся. Потом она робко интересуется, когда я вернусь домой, я понимаю, что она все еще считает мой отъезд глупостью и блажью. Отчасти я также думаю сама, я давно не чувствовала себя настолько одинокой, как здесь, хотя я уже привыкла к одиночеству. Я вижу Антона каждый день, мы сидим с ним за одной партой, он совсем близко и в тоже время бесконечно далек от меня, я замечаю, что у него под глазами появились круги, видимо, он не высыпается. Я даже думать не хочу о том, что он делает ночами. В университете я так ни с кем и не подружилась, публика здесь слишком пафосная – мажоры с понтами до небес и нагламуренные девицы с наклеенными ресницами, все мое общение с ними сводится исключительно к сухим кивкам. У них своя давно сложившаяся тусовка куда посторонним вход строго воспрещен. Антон же удивительно легко вливается в новый коллектив, он болтает с парнями на переменах, девчонки це-

луют его в щеки при встрече. Я же обычно стою в стороне одна, я не чувствую себя принадлежащей к их миру дорогих тачек, далеких путешествий и ночных клубов до утра. Анто-на я вижу каждый день, но мне все равно ужасно его не хват-ает, со мной он практически не общается, мы просто сидим с ним за одной партой, иногда он улыбается мне при встрече, иногда рассеянно кивает головой. Он весь поглощен новой жизнью, новыми друзьями и новыми развлечениями, в его радостной и интересной жизни теперь нет даже крошечного места для меня. За месяц, что я учусь здесь он отдалился от меня словно бы нас разделяли сотни километров.

Глава 3

Сегодня у меня просто паршивое настроение, у меня за-кончились деньги, утром я отдала Вике последние пятна-дцать тысяч за квартиру. Это означает, что мне пора возвра-щаться домой, я приехала сюда зря. Я как могла оттягивала этот момент, пыталась сэкономить жалкие крохи, но теперь экономить просто нечего. Я истратила даже те деньги, что отложила на обратный билет домой. В университете, как на-зло, у двух человек день рожденья, у полного уже страдаю-щего одышкой Павла и тощей вертлявой блондинки Светы. Наша староста Алеся или Олеся, за этот короткий месяц я так и не поняла, как правильно звучит ее имя, собирает по пять тысяч рублей на подарки, просто немыслимые деньги

для Нижнего Новгорода и вполне обычные для московской золотой молодежи. Я одна ничего не сдаю, Алеся вновь под-
ходит ко мне:

– Я долго буду за тобой бегать? Я разослала всем сообщение в чат... – цедит она сквозь плотно сжатые зубы, весь ее вид выражает презрение, – если нет нала, закинь на карту...

Весь ее вид меня дико злит:

– Я не сдала, потому что не собираюсь сдавать... – бросаю я ей, она театрально вздыхает и поднимает глаза:

– Я не понимаю, – цедит она, – ты это делаешь как демон-
стративный перфоманс чтобы показать, что ты типа особен-
ная? Типа это такой акт протеста против нас? Идиотка...

Ей даже не приходит в голову, что я не сдаю просто пото-
му, что у меня нет денег, в ее мире такого просто не быва-
ет, деньги сами собой материализуются на счете в банке и из
банкомата сам собой вылетает нал...

– Я не буду сдавать потому что мне не нравится ни Паша,
ни Света. Паша тупой и от него воняет потом, а Света вы-
глядит как шалава, так тебе понятно? – выкрикиваю я.

Алеся отходит от меня, она шушукается с девчонками,
периодически смотрит на меня и все заливисто хохочут. Но
мне на них плевать, сегодня я приняла решение вернуться
домой, ведь здесь меня уже ничто не держит. Даже Антон, с
которым за прошедший месяц мы перекинулись буквально
парой слов. Его молчание делает все мое дальнейшее суще-
ствование просто бессмысленным.

Он неожиданно подходит ко мне сам:

– Сегодня зайдем после занятий ко мне, поболтаем, – он выглядит обеспокоенным.

Я киваю и после учебы мы идем к нему, он тоже живет совсем рядом, его квартира-студия в высоченном доме на одном из последних этажей. В квартире он помогает мне снять пальто, галантно придерживает дверь, как всегда, он безупречен. Я подхожу к огромному, во всю стену окну, квартира находится на двадцатом этаже и от вида за окном захватывает дух. Огромный город раскинулся под ногами покрывалом мерцающих огней, они тянутся до самого горизонта и исчезают, сливаясь вдали с темным небом. Антон подходит и бережно сажает меня в кресло, наверно, он думает, что у меня закружилась голова.

– Потрясающее зрелище, правда? – белозубо улыбается он. – Я просто не мог устоять, увидев этот вид из окна. Я часто сижу тут вечерами и смотрю на нее... В ней столько жизни, энергии, движения... – я понимаю, что он говорит о Москве, с такой страстью и восхищением, как говорят о своей любимой девушке. Все ясно, Антон влюблен в Москву. Что ж, вполне возможно, что их чувства взаимны, Москве нравятся молодые богатые мальчики. Антон нежно смотрит мне в глаза:

– В чем дело, малыш? – спрашивает он и осторожно поглаживает мои пальцы, я пытаюсь отвернуться, но он не отпускает, – я заплатил за тебя, я понял, что у тебя совсем нет

денег. Все так плохо? – так же тихо продолжает он.

Я киваю:

– У меня нет отца, который бы оплачивал все мои прихоти...

Это звучит достаточно резко, но он продолжает улыбаться:

– Все ясно. Ты устала. Ты разозлилась. Тебе плохо и теперь ты упиваешься жалостью к себе, бедной маленькой девочке, оказавшейся совсем одной в чужом городе без папы и мамы...

Я выразительно смотрю ему в глаза:

– Я думала, что здесь у меня хотя бы есть ты... Наверное, я ошиблась. На следующей неделе я уезжаю домой...

Он негромко смеется:

– Странно... Ты так легко готова отказаться от своей мечты. Насколько я знаю тебя, ты никогда не сдаешься и всегда идешь до конца. В этом мы с тобой похожи. Никогда нельзя сдаваться. Если ты страстно желаешь чего-то, сама вселенная помогает тебе в этом...

Я язвительно усмехаюсь:

– Вселенная пока молчит, видимо, ей в данный момент не до меня....

Он молча кладет передо мной несколько пятитысячных купюр, но я даже не притрагиваюсь к ним:

– Это ничего не изменит, деньги все равно кончатся, работу я так и не нашла... Знаешь, тут столько вакансий убор-

щиц или официантов, что просто разбегаются глаза...

– Значит, ты плохо искала, – мягко говорит он.

Я чувствую, как во мне вновь закипает злость:

– Наверно, так легко и приятно быть щедрым за чужой счет...

Я знаю, что это его задевает, хоть он и не показывает вида, он продолжает мягко улыбаться:

– Я просто хочу тебе помочь. И только тебе решать, принять мою помощь или нет. Допивай чай и собирайся, сегодня мы будем веселиться, довольно грусти и уныния...

Он идет в спальню переодеваться, я все же беру со столика деньги, я не хочу и не буду отказываться от него. Я слышу, как он переодевается в соседней комнате, дверь приоткрыта, я вижу, как он снимает с себя рубашку. Я поднимаюсь и на мгновение задерживаюсь перед приоткрытой дверью, мне хочется зайти к нему, впиться своими губами в его пухлые губы, укусить так сильно, чтобы почувствовать на своих губах вкус его крови. Я не понимаю, он намеренно оставил дверь в свою комнату приоткрытой или же это была просто случайная небрежность с его стороны. Нельзя быть ни в чем уверенной, если дело касается Антона. Я несу чашку на кухню, фартук выложен кирпичом, мрамор на полу черный, в нем отражаются круги света со свисающих ламп. На огромном столе стоит одинокий горшок с цветком – это роза, она только распустилась, ее листочки совсем свежие. Я подхожу ближе и внимательно разглядываю ее – она выглядит неверо-

ятно нелепо посреди этой brutальной черной кухни. Я осторожно трогаю землю в горшке, она совсем влажная, как будто ее поливали буквально утром. Это явно не Антон, я знаю, что он не привык заботиться ни о ком, кроме себя. Значит, у него есть девушка, которая ночует у него и дарит ему розы в дурацких горшках с сердечками.

Антон уже ждет меня в прихожей, я кладу чашку в мойку и проходя мимо стола задеваю розу рукой, она заваливается на бок, катится по бесконечно длинному столу, падает на пол и с грохотом разбивается о мраморный пол. Антон заходит на кухню ... и улыбается.

– Кажется, ты избавила меня от обузы, – смеется он и протягивает мне руку, я переступаю через разбитый горшок и тоже почему-то смеюсь.

Мы выходим из дома, уже совсем стемнело, Антон держит меня за руку, мы спускаемся в метро и вагон мчит нас куда-то в темноту. Мы выходим на станции, Антон указывает на расположившихся на ступенях музыкантов:

– Я хотел показать тебе какую работу нашел себе я... уверен, ты найдешь себе что-то получше...

Он подходит к ним и крепко пожимает каждому руку, после он встает за синтезатор, они начинают что-то наигрывать. Я узнаю мелодию с первых аккордов, это Металлика. Впереди на ступенях лежит потертая шляпа и прохожие бросают туда мелочь. Я начинаю смеяться и не могу остановиться, меня просто колбасит от смеха, я представляю, как уди-

вился бы отец Антона, увидев своего единственного сына и наследника, играющего в подземном переходе с непонятными типами. Антон подмигивает мне и полностью сосредотачивается на игре. Видно, что играть он начал совсем недавно после длительного перерыва, я вообще удивляюсь, как он вообще что-то помнит. Иногда он берет неверную ноту, хмурится и нервно покусывает губы, я знаю, что он привык быть лучшим во всем и малейший промах больно бьет по его самооценке. Я снимаю его на телефон, такой сосредоточенный и злящийся, он невероятно красив. Я не садилась за фортепиано уже три года, с тех самых пор как мы закончили с ним музыкальную школу. Народу собирается довольно много, стайка пьяных малолеток останавливается рядом с нами и начинает танцевать под музыку.

Где-то через час музыканты начинают собираться, Антон подходит ко мне:

– Тебе понравилось? – его глаза улыбаются.

– Да, хотя иногда ты лажал, – я не могу удержаться и обнимаю его. – Видимо, отец урезал финансирование, что тебе пришлось упакиваться на такой сомнительной работе... – я не могу не поддеть его, но он совсем не злится.

– Я просто давно мечтал играть в рок группе, – улыбается он. – А у ребят не было клавишника. И вот моя мечта исполнилась, теперь очередь за тобой...

Ему приносят горсть мелочи в целлофановом пакете, его долю, и он игриво встряхивает им перед моим носом:

– Пойдем посмотрим, хватит ли тут чтобы угостить девушку приличным вином, – усмехается он.

Тут действительно хватает на бутылку неплохого красного вина, я знаю, что он пьет только его, мы по очереди пьем вино прямо из горла, передавая бутылку друг другу. Потом Антон провожает меня до дома, и мы долго целуемся на лавочке у подъезда. Я совсем пьяна от вкуса его губ и запаха его кожи, смешанного с ароматом дорогого одеколона, наконец, он отпускает меня и галантно поклонившись, удаляется. Я захожу в подъезд, в это мгновение мне так хорошо, что хочется умереть. Вика не одна, с ней это отвратительное быдло, ее парень, он похабно ухмыляется.

– Мы смотрели, как вы зажигали на лавочке, я даже заснял вас на телефон – усмехается он, – только не понятно, почему же дело не пошло дальше? Может, у него просто не стоит? Или он предпочитает, чтобы его самого имели в попку? Он слишком смазливый чтобы быть настоящим мужиком...

Я готова просто выцарапать ему глаза:

Заткнись, – шиплю я, – ты просто быдло... Тупое отвратительное быдло, не смей даже говорить о нем, ты не стоишь даже его мизинца...

Но он совсем не злится, на его губах играет его обычная отвратительная ухмылка:

– Принцеска, ты еще глупенькая и не понимаешь, что мужика нужно выбирать, чтобы засадить смог поглубже, а не такого сладкого мальчика, он даже гопникам по роже дать не

сможет...

Меня просто трясет от злости, Вика обнимает меня за плечи:

– Ты только не нервничай, тебе же нельзя, – примирительно говорит она, – приводи своего парня сюда, когда захочешь, я же не против...

Я кое-как вырываюсь из ее рук и закрываюсь в комнате, я не собираюсь тащить Антона в этот гадюшник, тем более он сам сюда не пойдет даже если я его позову. Наш сегодняшний вечер совсем ничего не значит, для него это была просто игра, не более. Иногда он снисходит до проявлений нежности чтобы потом больнее мучить меня холодом. От этой мысли внезапно становится горько, я забираюсь на подоконник, смотрю на затянутое тучами небо и шепчу молитву о том, чтобы всегда быть рядом с Антоном, хотя я и не верю в чудеса. Темное осеннее небо плачет дождем, вселенная меня не слышит...

Звучит просто невероятно, но меня взяли на работу иллюстратором! После многочисленных отказов, когда меня не брали даже на должность официантки, предложение о работе иллюстратором было просто непостижимым, кажется, я удивилась бы меньше, если бы меня выдвинули на нобелевскую премию. Даже идя на работу в свой первый рабочий день, я все еще думала, что это чья-то дурацкая шутка, такого просто не бывает. Я плохо ориентируюсь и опаздываю на долгожданную работу в свой первый рабочий день, мне

просто ужасно стыдно, я туплю еще больше и никак не могу найти нужный офис среди безликих дверей с одинаковыми табличками. Меня выходит встречать высокий парень, который представляется Димой, у него длинные по плечи волосы, собранные в хвост. Я вспоминаю, что где-то слышала, что парни с хвостиками сплошные бабники, поэтому он с первого взгляда жутко мне не нравится. Мне кажется, что у него надменный вид, он провожает меня в офис и кивает на мое новое рабочее место:

В следующий раз постарайся приходить вовремя, – недовольно произносит он. – Работать будешь здесь, все время торчать в офисе необязательно, но появляться время от времени нужно. Рисунки будешь скидывать мне, от меня же и будешь получать задания, это понятно?

Я неловко киваю. Насколько я понимаю, эта небольшая типография специализируется на детских книжках и раскрасках.

– Сейчас я скину тебе ТЗ, – цедит Дима сквозь зубы, он весь какой-то дерганый и нервный, отчего мне становится еще больше не по себе.

Мне в чат прилетает первое задание – нарисовать лису в поле с корзинкой грибов. Это здорово меня пугает, я не рисовала семь лет, карандаш дрожит в моей руке, и Дима бросает на меня недоуменные взгляды:

Это вообще твои рисунки, которые ты прислала в портфолио? – спрашивает он.

Я киваю, мой голос дрожит и срывается:

– Да. Только я рисовала их очень давно...

Я ужасно боюсь, что он сейчас укажет мне на дверь. Он хмурится, искать кого-то еще ему совершенно не улыбается:

– Рисовала, значит, вспомнишь, – решает он.

Последующие два часа я самозабвенно рисую лису, Дима придирчиво изучает сданный ему на проверку рисунок и остается доволен. Мы договариваемся, что я буду приходить в офис три раза в неделю, остальное время буду работать из дома. Кроме нас с ним в офисе еще работают две женщины-иллюстратора, им хорошо за пятьдесят.

Эта работа буквально вдыхает в меня жизнь, первую неделю я самозабвенно ночи на пролет рисую смешных ежиков, хитрых лисиц, страшных серых волков, дремучую чащу волшебного леса. Даже Дима удивлен такой прытью, теперь он уже не кажется мне таким противным как раньше, иногда мы пьем с ним кофе в перерывах и болтаем, оказывается, он младше меня на год:

– Я учусь в МГАХИ, поступил на бюджет сам, – он, похоже, этим ужасно гордится.

– А я в Бауманке на экономическом, поступила, конечно же, не сама, – ерничаю я.

Он слегка смущается:

– Родители помогли? – высказывает предположение он.

Я отрицательно качаю головой:

– Нет, мое обучение оплачивает один человек. Он на трид-

цать лет старше меня, и к тому же женат...

Дима сконфуженно замолкает, по его глазам я вижу, что он уже записал меня в девушки с низкой социальной ответственностью, впрочем, пусть думает, как хочет, по крайней мере, он не будет ко мне лезть, хотя он и забавный.

Работа заставляет меня даже забыть об Антоне, я меньше думаю о нем, меньше смотрю на него украдкой, конечно же, он это замечает и на перемене поддевает меня:

– Неужели у нашей Ники, наконец-то, кто-то появился. Что ж... – он многозначительно замолкает и улыбается, глядя мне в глаза.

Я отмахиваюсь:

– У меня появилась работа моей мечты. Вселенная услышала меня, ты был прав. Хотя парень тоже появился, – за чем-то ляпаю я.

Я внимательно смотрю на него, надеясь прочесть в его серых глазах хоть крохотную толику ревности, мне очень хочется думать, что для меня найдется хоть крохотный уголок в его сердце, но он остается бесстрастен.

– Я очень рад за тебя, Ника, – улыбается он своей красивой ровной улыбкой, – может быть, сходим куда-нибудь в субботу вчетвером? Мне будет интересно посмотреть на твоего парня.

– А мне на твою девушку, заметано, – я ударяю его по протянутой им ладони, неужели он всерьез думает, что мы теперь лучшие друзья?

Мысль о парне серьезно меня беспокоит, я понятия не имею, кого взять с собой, Вика предлагает одолжить мне Богдана, но сама мысль о нем вызывает во мне бесконечную волну отвращения. Его кривая ухмылка, липкий взгляд, отвратительные татуировки на огромных ручищах, Антон станет презирать меня если подумает, что я теперь встречаюсь с этим быдлом. Поэтому я звоню Диме и в лоб приглашаю его поужинать со мной, кажется, я его смущаю.

– Это типа свидание такое, что ли? – неопределенно протягивает он.

– Нет, – растолковываю ему я, – просто мне нужен спутник на вечер. А за это я дорисую за тебя раскрашку с Микки Маусом...

Он соглашается, хотя я и не понимаю рад он этому или нет. Странно, я совсем потеряла чувство ощущения других людей, раньше я без слов могла понять любого, теперь же я почти потеряла этот дар. Мне нет дела до других людей, в моих мыслях только Антон.

Мы с Димой приходим первые и садимся за забронированный столик, я критически осматриваю его, он зачем-то напялил на себя красный свитер, обычно он ходит в черном или сером, и набрызгался туалетной водой как девица. Антон со своей девушкой опаздывают уже на пятнадцать минут, наконец, он появляется, держа ее за руку. На нем сегодня надет светло-серый пиджак, ему невероятно идет серый цвет, его кожа кажется еще более нежной и тонкой, брови исси-

ня-черным выделяются на фарфоровой коже его лице, на его щеках горит беззаботный румянец. Определенно, сегодня он как и обычно, потрясюще хорош. Я вспоминаю, что где-то читала, что светлая кожа и темные брови – признак породы, я украдкой рассматриваю его, и он улыбается, почувствовав мой взгляд. Он пожимает Диме руку и отодвигает стул, помогая сесте своей девушке. Я смотрю на нее, она очень молоденькая и очень хорошенькая, мне кажется, ей чуть за восемнадцать, ее волосы распущены и достают почти до талии, она вся такая нежная и воздушная в этом розовом платье с оборками. Интересно, это ее цветочный горшок я разбила недавно или же у Антона есть кто-то еще? Антон заказывает на всех вино и закуски, сегодня только он чувствует себя в своей тарелке, его девушка опустила глаза в пол и не может сказать и двух слов, Дима тоже угрюмо молчит, глядя на Антона исподлобья. Я как бы случайно дотрагиваюсь до него рукой, я не видела его несколько дней и уже соскучилась, он ровно мне улыбается, но я чувствую, как внутри меня растекается тепло оттого, что он снова со мной. Антон улыбается мне и разливает вино по бокалам:

– Я хочу поднять тост за Нику и ее кавалера, – он чокается со всеми бокалом, Дима при этих словах чуть краснеет, но не поправляет его, за что я ему безмерно благодарна. Он внимательно разглядывает Диму:

– Где вы познакомились? – тихо спрашивает он.

– На работе, – отвечает Дима, мне кажется, или он говорит

с вызовом, – а ты где работаешь?

Антон пожимает плечами:

– Я сосредоточен на учебе. Мне жаль, что тебе приходится работать, чтобы прокормить себя...

Однако в его глазах ни капли сожаления, Дима вспыхивает, но угрюмо молчит.

– Я очень рад, что Ника наконец-то нашла себе занятие по душе, – как ни в чем не бывало продолжает Антон, – я знаю, что раньше она отлично рисовала, но бросила... Человек, занимающийся нелюбимым делом, не может быть счастливым... Зато она научилась вполне сносно играть на фортепиано...

Дима продолжает сверлить его взглядом:

– А ты ей кто? – в лоб спрашивает он, Антон с улыбкой переводит взгляд на меня, позволяя самой ответить на этот вопрос. Я беру его за руку:

– Брат. Троюродный... – коротко отвечаю я, Дима смотрит на меня с сомнением, он совсем не верит мне:

– Не знал, что у тебя есть брат...

Антон с улыбкой смотрит на Диму, мне кажется, или у него оценивающий взгляд, завтра я непременно спрошу его, что он думает о моем якобы парне:

– Ты многого не знаешь о своей девушке, наверно, вы встречаетесь недавно. Тебя ждет еще много удивительных открытий...

– Она не очень-то любит рассказывать о себе... – Дима

скептически смотрит на меня.

Антон с улыбкой переводит взгляд на меня:

– Пожалуй, я могу тебе помочь и немного рассказать тебе о твоей девушке, – он выразительно смотрит мне в глаза: – Ника необычная девушка, как ты успел заметить, она не носит платьев и каблуков, не наклеивает ресниц и не завивает локонов. Она считает, что другой человек должен полюбить ее именно такой, какая она есть, безо всяких прикрас. Она совсем не умеет готовить и довольно сносно может сыграть Лунную сонату на фортепиано, ей нравится Александр Блок и она просто ненавидит женские романы. Каждой осенью у нее просто отвратительное настроение, она любит зеленый чай со сливками и земляничную воду, которую ей готовила ее бабушка. Она верная, никогда не предаст и всегда держит данное слово, я могу назвать ее своим близким другом...

Дима смотрит ему в глаза, я не могу понять смысла его взгляда:

– Я смотрю, ты знаешь ее как облупленную... – недовольно протягивает он, я смотрю на Антона:

– Мой дорогой брат, кажется, знает все мои самые сокровенные тайны... – улыбаюсь я ему и вновь сжимаю его ладонь в своей.

Антон возвращает мне улыбку:

– Я знаю тебя уже тысячу лет.... И я считаю, что неплохо разбираюсь в людях...

Дима смотрит на него исподлобья:

– Может, и про меня что-нибудь расскажешь? – протягивает он.

Антон окидывает его внимательным взглядом:

– Легко. Ты из небогатой семьи, на тебе совсем простые вещи, значит, тебе приходится зарабатывать на жизнь своим трудом. И ты, конечно, считаешь это ужасно несправедливым. Ты скован, это значит, у тебя совсем небольшой опыт общения с девушками, ты не понимаешь и боишься их. Мне кажется, Ника первая показала тебе свою симпатию, сам бы ты никогда на это не решился. В данный момент ты чувствуешь себя не в своей тарелке...

Антон замолкает, я краем глаза вижу на лице Димы красные пятна, я толкаю его локтем чтобы не вздумал затевать ссору:

– Может, мне тоже попробовать рассказать о тебе? – цедит Дима сквозь сжатые зубы, – если ты не работаешь, значит, деньги дают тебе родители, сам ты не умеешь их зарабатывать. Мне кажется, что твоя высокая самооценка не совсем соответствует действительности. Что касается девушек, весь твой якобы опыт распространяется только на малолетних, которые не могут связать и двух слов...

Антон улыбается, я не могу понять задели его слова Димы или нет, он переводит взгляд на меня:

– А он у тебя ревнивый... – невозмутимо улыбается мне он, я улыбаюсь ему в ответ, в данное мгновение для меня существует только он, я не замечаю ни его теребящую обор-

ки девушку, ни раздраженно дрыгающего ногой Диму, мы болтаем с ним о нашем городе, о предстоящих экзаменах и о всякой другой ерунде.

Вечер подходит к концу, Дима лезет за кошельком, я толкаю его локтем, чтобы не вздумал платить, Антон пригласил нас, поэтому платит тоже он, я привыкла, что когда Антон рядом, всегда платит он. Он легко относится к деньгам, ведь их дает ему отец, а мы с Димой зарабатываем их своим трудом. Но Дима упрямо кидает на стол смятые купюры. Я невероятно зла на него, теперь мне придется завтра отдать ему эти деньги. Мы наскоро прощаемся, Дима сажает меня в такси:

– Я спрашивал его кто он тебе, когда ты выходила, – неожиданно цедит он сквозь сжатые зубы, – он ответил, что он твой бывший парень, а не брат. У тебя такая сексуальная фантазия – трахаться с братом?.. Ты пересмотрела Игру Престолов, что ли? Только ты зря за ним бегаешь, ты ему не нужна...

Он со злостью хлопает дверцей. Даже водитель, не совсем русский дядя неопределенных лет осуждающе цокает языком. Мне становится так горько от того, что Дима прав, Антону я совсем не нужна, для него я просто безнадежно влюбленная в него девочка. Вся в слезах я выбираюсь из такси, в окнах нашей квартиры горит свет, значит, Вика дома. Я тихо пробираюсь в свою комнату, Вика вскоре заходит ко мне и начинает болтать ни о чем, я вполуха слушаю ее. Не знаю, по-

чему она привязалась ко мне. Возможно, она чувствует вину за самое начало нашего знакомства или же ей просто одиноко. Насколько я понимаю, она привыкла заботиться о своей пьющей матери и теперь выливает эту свою нерастрченную заботу на меня. Она тянет меня на кухню, на кухне стоит просто удушающий запах котлет, плита вновь покрыта подтеками застывшего жира, я чувствую, как меня мутит.

– Вино есть? – спрашиваю я ее, категорически отказавшись от котлет.

Сегодня мне просто страшно хочется напиться, я почти физически ощущаю, как на меня накатывает удушливая волна отчаяния и мучительной безнадёжности. Кажется, что сам воздух пропитан этой тягучей тоской, отвратительной и мутной, как эти жирные подтеки на плите. Вика приносит из своей комнаты бутылку дешевого коньяка. Я хочу разбавить его водой и не разбавляю.

– Давай рассказывай, – говорит Вика, она опрокинула в себя почти половину стакана, ее глаза заблестели, щеки покраснелись. – Был дурацкий день?

Я просто не знаю с чего мне начать, каждый мой день может называться дурацким, просто один менее, а другой более дурацкий. Но, наверное, она права, сегодня один из моих самых моих дурацких дней.

– Просто человек, которого я люблю, сегодня знакомил меня со своей очередной девушкой, – наконец говорю я.

– Эта мразь увела твоего парня? – Вика задыхается от воз-

мущения, – вот стерва. Давай подкараулим ее и оттаскаем за волосы...

Вика как всегда примитивна в своих суждениях, я отрицательно качаю головой, Антон никогда не был моим парнем и вряд ли им будет, все бесполезно.

– Или давай попросим Богдана, пусть он с ней поговорит, я попрошу, – продолжает Вика. Я внутренне содрогаюсь, на миг представив, как кинконгоподобный Богдан месит ногами это розовое чудо в оборках.

– Он не мой парень, – все-таки отвечаю я Вике, – мы встречались с ним несколько лет назад, но теперь мы просто друзья...

– А почему ты снова не хочешь с ним встречаться? – так искренне удивляется Вика, как будто это зависит исключительно от меня.

– Наверное, потому, что этого не хочет он, – отвечаю я.

Коньяк ударяет мне в голову и сейчас мне хочется поговорить, что мне совершенно не свойственно. Подруг у меня нет и никогда не было, в детстве я не играла с девочками в куклы и не заплетала им косы. Другие девочки всегда казались мне бесконечно далекими и непонятными, до сих пор я не умею с ними дружить, болтать о милых глупостях, обсуждать последние сплетни. Костя был самым близким мне человеком на свете, которому я рассказывала все. Теперь такого человека у меня нет и вряд ли им станет Вика.

– С Антоном мы знакомы уже семь лет, – я закрываю гла-

за, вспоминая каким он был тогда.

Тогда он был худеньким темноволосым мальчиком с густой челкой, почти закрывающей глаза, это сейчас он возмужал и накачал себе красивые мышцы. Я до мельчайших подробностей помню нашу первую встречу. Стояла глубокая осень, дожди хлестали не переставая, я целыми днями сидела в своей комнате, не имея даже сил выйти. Родители таскали меня к психологам, я помню долгие разговоры, горькие таблетки и капли. Но мне не становилось лучше, я потеряла какую-то часть себя навсегда. Нужно было отвлечься. Заняться чем-то новым. Попробовать как-то жить дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.